

Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии

З.Х. Лепшокова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Кыргызстан и Эстония — две постсоветские страны, которые после распада СССР выбрали разные траектории этнополитического и социально-экономического развития, отношения к русскому языку, советскому периоду своей истории, а также взаимодействию с Россией на международной арене. В фокусе внимания статьи воспринимаемая русскими, проживающими в Кыргызстане и Эстонии, инклюзивность современного социокультурного контекста данных стран и ее роль в их идентификации и аккультурации (N=630). В результате путевого анализа выявлено, что если русские воспринимают контексты Кыргызстана и Эстонии инклюзивными, то у них довольно сильно выражена гражданская (кыргызстанская или эстонская) идентичность, стратегии интеграции и ассимиляции и слабо выражена стратегия сепарации. При этом русские в Эстонии, воспринимающие контекст Эстонии как эксклюзивный, имеют сильно выраженные этническую и религиозную идентичности. Эти и другие универсальные и контекстно специфические паттерны связей обсуждаются в статье через призму социокультурных контекстов Кыргызстана и Эстонии.

Ключевые слова: воспринимаемая инклюзивность контекста, этническая идентичность, гражданская идентичность, религиозная идентичность, европейская идентичность, аккультурация, интеграция, ассимиляция, сепарация, русские, Кыргызстан, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность контекста, идентичности и аккультурация русских в Кыргызстане и Эстонии // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403>

Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia

Zarina K. Lepshokova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Kyrgyzstan and Estonia are two post-Soviet countries which, after the collapse of the USSR, chose different trajectories of ethno-political and socio-economic development, attitudes towards the Russian language, the Soviet period of their history, as well as interaction with Russia in the international arena. The focus of the article is perceived inclusiveness of the modern sociocultural contexts by Russians living in Kyrgyzstan or Estonia as well as its role in their identification and acculturation (N = 630). As a result of the path analysis, it was revealed that the perceived inclusiveness of the contexts of Kyrgyzstan and Estonia by Russians is positively associated with civic (Kyrgyz and Estonian) identity, the strategy of integration and assimilation, and is negatively associated with the strategy of separation. Moreover, the perceived in-

clusiveness of the Estonian context by Russians is negatively associated with ethnic and religious identity. These and other universal and context-specific patterns of relationships are discussed in the article through the prism of sociocultural contexts of Kyrgyzstan and Estonia.

Keywords: perceived inclusiveness of the context, ethnic identity, civic identity, religious identity, European identity, acculturation, integration, assimilation, separation, Russians, Kyrgyzstan, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Lepshokova Z.Kh. Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170403> (In Russ.).

Введение

Распад Советского Союза привел к тому, что около 25 миллионов русских за пределами России в новых независимых государствах внезапно стали политическим и этническим меньшинством [18]. С момента распада прошло 30 лет, и сегодня за пределами России в постсоветских странах проживают около 16 миллионов русских, которые так или иначе адаптируются к меняющимся социокультурным контекстам новых независимых стран. При этом каждая страна постсоветского пространства выбрала свой путь национального строительства, отношения к русскому языку и русскому населению [18]. В этой связи большой интерес для кросскультурной психологии представляют русские, проживающие в постсоветских странах, которые выбрали отличающиеся траектории развития. Например, Кыргызстан любопытен тем, что процент русских невелик, всего 5,6% от общего числа населения страны [10], при этом русский язык остается в качестве официального языка и более 83% населения Кыргызстана владеют им. Кроме того, в Кыргызстане четко прослеживается ориентация на взаимодействие с Россией [12]. Однако с экономической точки зрения Кыргызстан является одной из самых бедных постсоветских стран, с высоким уровнем эмиграции русского и местного населения [11].

Не меньший интерес представляют русские, проживающие в постсоветских странах, где после распада СССР стремительно прошли волна дерусификации [21] и отдаление на международной арене от России, а также пересмотр отношения к советскому периоду своей истории [2]. Ярким примером такой страны является Эстония, в которой проживают около 25% русских [25] и которая, помимо всего прочего, является одной из самых экономически развитых стран постсоветского пространства, вошедших в Европейский Союз [9].

Кросскультурных исследований воспринимаемой русскими инклюзивности социокультурного контекста современных постсоветских стран и ее роли в их идентификации и аккультурации не проводилось. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел и ставит следующие вопросы.

Какие универсальные и контекстно специфические последствия для межкультурного взаимо-

действия и идентификации русских кроются в воспринимаемом ими контексте постсоветских стран, выбравших различные траектории отношения к русскому языку, русским и взаимодействию с Россией (на примере Эстонии и Кыргызстана)?

Какие социальные идентичности русских, в зависимости от контекста, могут проявлять функции инклюзии (объединения) и эксклюзии (разобщения)?

Какие аккультурационные стратегии наиболее предпочтительны русскими в межкультурном взаимодействии с этническим большинством данных стран?

Аккультурация и социокультурный контекст

Большая часть исследований, направленных на изучение индивидуальных факторов процесса аккультурации и его результатов, зачастую игнорируют то, что эти факторы действуют в более широком экологическом контексте межкультурного контакта, а не в социальном вакууме [13; 14]. Данную проблему решает экологический подход к аккультурации, основанный на концепции Бронфенбренера (1977) о человеческом развитии, идущем на различных уровнях экологических систем [17], начиная от микросистем, в которых люди принимают непосредственное участие, таких как дом, школа или рабочее место, заканчивая макросистемой. Для представителей этнического меньшинства культура, взгляды, установки доминирующего общества/этнического большинства, являются той макросистемой, которая оказывает влияние на их адаптацию посредством различных микросистем.

Для изучения роли социокультурного контекста, как макросистемы, в аккультурации этнических меньшинств перспективным является подход, ориентированный на воспринимаемые факторы [6]. Это связано с тем, что именно «... субъективное восприятие людьми реальности образует и становится реальностью, которая определяет их психологические реакции» [27, р. 173]. Поэтому особую актуальность приобретают метавосприятия контекста, раскрывающие то, как люди воспринимают степень, в которой доминирующее общество поддерживает процесс интеграции этнических меньшинств и мигрантов [19; 13; 6].

В настоящем исследовании метавосприятиями или индикаторами воспринимаемой русскими ин-

клюдности контекста Эстонии и Кыргызстана выступают: 1) воспринимаемая проницаемость границ принимающего общества, т. е. восприятие русскими того, насколько легко или трудно русскому человеку стать «своим» в данных обществах [23]; 2) воспринимаемая дискриминация [6]; 3) воспринимаемый [26] или «реальный» мультикультурализм, т. е. восприятие русскими того, как на самом деле реализуется мультикультурная идеология в странах проживания.

Важно отметить, что в зависимости от контекста идентичности могут проявлять функции инклюзивности и эксклюзивности [7], поэтому в настоящем исследовании в фокусе внимания — выраженность этнической, гражданской, религиозной и европейской идентичностей у русских в Эстонии и Кыргызстане.

Аккультурация в настоящем исследовании рассматривается в рамках теории аккультурации Д. Берри [15]. Согласно данной теории, процесс вхождения в культуру доминирующего общества связан с двумя основными вопросами, на которые представитель этнического меньшинства пытается ответить для себя: в какой степени он признает важность сохранения своей культурной идентичности? В какой степени ему следует включаться в культуру доминирующего общества? В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация. В фокусе настоящего исследования первые три стратегии.

Исходя из вышеизложенного, сформулированы следующие исследовательские вопросы.

1. Каковы кросс-страновые сходства и различия в выраженности показателей воспринимаемой инклюзивности контекста, социальных идентичностей и стратегий аккультурации русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии?

2. Как связаны воспринимаемая инклюзивность контекста, социальные идентичности и аккультурационные стратегии русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии?

3. Учитывая различия социокультурных контекстов Кыргызстана и Эстонии, существуют ли универсальные и/или контекстно специфические паттерны исследуемых связей?

Выборка исследования

В выборку исследования вошли 630 русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане. В табл. 1 пред-

ставлены гендерные и возрастные характеристики выборки.

Социально-психологический опрос проводился с помощью коллег из университетов-партнеров Эстонии и Кыргызстана. В Кыргызстане опрос проходил очно, в Эстонии — с помощью онлайн-платформы 1ka.

Методы

В исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS [16], адаптированные на российской выборке [5]. Ответы практически на все шкалы заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Воспринимаемая дискриминация. Шкала включала в себя 5 вопросов, например: «Ко мне несправедливо относились на работе (продвижение, льготы) или во время учебы из-за моей национальности», $\alpha > 0,79$.

Воспринимаемый мультикультурализм измерялся с помощью дескриптивной версии шкалы мультикультурной идеологии. Шкала включала в себя 6 вопросов, например: «В [Эстонии/Кыргызстане] принято помогать этническим группам сохранять их культурное наследие», $\alpha > 0,71$.

Воспринимаемая проницаемость границ [23]. Шкала состояла из 4 вопросов, например: «Русскому человеку, по вашему мнению, быть принятым в [эстонское/киргизское] общество...». Ответы заданы от 1 — очень трудно до 5 — очень легко, $\alpha > 0,86$.

Конструкт *воспринимаемая инклюзивность контекста* был создан как композитная переменная с учетом факторных нагрузок таких переменных, как воспринимаемая дискриминация, воспринимаемый мультикультурализм и воспринимаемая проницаемость границ. Показатели конфирматорного факторного анализа удовлетворительны и соответствуют рекомендуемым: CFI=1,00; RMSEA=0,04; PCLOSE=0,48; sRMR=0,03.

Этническая идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя русским», $\alpha > 0,86$.

Гражданская идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя гражданином [Эстонии/Кыргызстана]», $\alpha > 0,85$.

Религиозная идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя представителем своей религии», $\alpha > 0,92$.

Европейская идентичность. Шкала включала в себя 4 вопроса, например: «Я считаю себя европейцем», $\alpha > 0,93$.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Группы	Количество респондентов	Возраст			Пол	
		М	Min.—Max.	SD	Муж.	Жен.
Русские в Эстонии	330	37	18—80	16,6	151	179
Русские в Кыргызстане	300	36	17—65	17,4	104	196

Примечание: N — общий объем выборки; M — среднее арифметическое значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Аккультурационные стратегии: интеграция – включала 4 вопроса, например: «Я считаю, что русские, проживающие в [Эстонии/Кыргызстане], должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать [эстонские/киргизские]», $\alpha > 0,64$; сепарация включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только русских», $\alpha > 0,68$; ассимиляция включала также 4 вопроса, например: «Я предпочитаю иметь друзей только [эстонцев/киргизов]», $\alpha > 0,64$.

Результаты

В табл. 2 представлены средние значения по основным переменным исследования, а также результаты их сравнения с помощью t-критерия Стьюдента у русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что воспринимаемый мультикультурализм значимо выше у русских, проживающих в Кыргызстане, чем у русских, проживающих в Эстонии. Этническая и религиозная идентичности значимо больше выражены у русских в Кыргызстане, чем у русских в Эстонии, тогда как гражданская идентичность значимо больше выражена у русских в Эстонии, чем у русских в Кыргызстане. Стратегии интеграции и ассимиляции больше предпочитают русскими в Эстонии, чем в Кыргызстане, тогда как стратегия сепарации больше выражена у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии.

Мультигрупповой путевой анализ связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и аккультурационных стратегий русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане, показал частичное отсутствие структурной инвариантности (полученные нами показатели – $\Delta CFI = 0,03$; $\Delta RMSEA = 0,004$ – были выше и равны рекомендуемому – $\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,01$). Исходя из этого, мы проанализировали

связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и стратегий аккультурации русских в каждой из стран по отдельности. Модели продемонстрировали хорошие показатели пригодности (Эстония: $CMIN/df = 2,10$; $CFI = 0,97$; $sRMR = 0,04$; $RMSEA = 0,06$; $PCLOSE = 0,29$. Кыргызстан: $CMIN/df = 1,81$; $CFI = 0,97$; $sRMR = 0,04$; $RMSEA = 0,05$; $PCLOSE = 0,42$).

Результаты путевого анализа, представленные на рис. 1, показывают, что у русских в Эстонии воспринимаемая инклюзивность контекста (ВИК) значимо отрицательно связана с выраженностью этнической и религиозной идентичностей и значимо положительно связана с гражданской эстонской и европейской идентичностями. При этом у русских в Кыргызстане ВИК значимо положительно связана лишь с гражданской кыргызстанской идентичностью.

ВИК значимо положительно связана со стратегией интеграции и значимо отрицательно связана со стратегией сепарации у русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане.

У русских в Эстонии лишь гражданская эстонская идентичность значимо положительно связана со стратегией интеграции, в то время как у русских в Кыргызстане гражданская кыргызстанская и религиозная идентичности значимо положительно связаны со стратегией интеграции.

У русских в Эстонии этническая идентичность значимо положительно связана со стратегией сепарации, тогда как гражданская эстонская и европейская идентичности значимо отрицательно связаны со стратегией сепарации. У русских в Кыргызстане этническая, религиозная и европейская идентичности значимо положительно связаны со стратегией сепарации, тогда как гражданская кыргызстанская идентичность значимо отрицательно связана со стратегией сепарации.

У русских в Эстонии этническая идентичность значимо отрицательно связана со стратегией ассими-

Таблица 2

Сравнение средних значений основных переменных

Переменные	Русские в Кыргызстане (n=300)		Русские в Эстонии (n=330)		Сравнение групп
	M	SD	M	SD	
Показатели воспринимаемой инклюзивности контекста					
Воспринимаемая проницаемость границ	2,84	0,84	2,86	0,79	$t = -0,28; p > ,05$
Воспринимаемый мультикультурализм	4,36	0,59	3,24	0,58	$t = 4,18; p < ,001$
Воспринимаемая дискриминация	2,09	0,94	2,00	0,87	$t = 0,30; p > ,05$
Идентичности					
Этническая идентичность	4,30	0,78	3,99	1,03	$t = 4,18; p < ,001$
Гражданская идентичность	3,48	0,93	3,73	0,99	$t = -3,31; p < ,001$
Религиозная идентичность	3,22	1,29	2,79	1,38	$t = 4,05; p < ,001$
Европейская идентичность	2,82	1,26	2,79	1,38	$t = 0,30; p > ,05$
Стратегии аккультурации					
Интеграция	3,98	0,68	4,28	0,69	$t = -5,34; p < ,001$
Сепарация	2,76	0,85	2,47	0,89	$t = 4,18; p < ,001$
Ассимиляция	1,51	0,49	1,79	0,80	$t = -5,24; p < ,001$

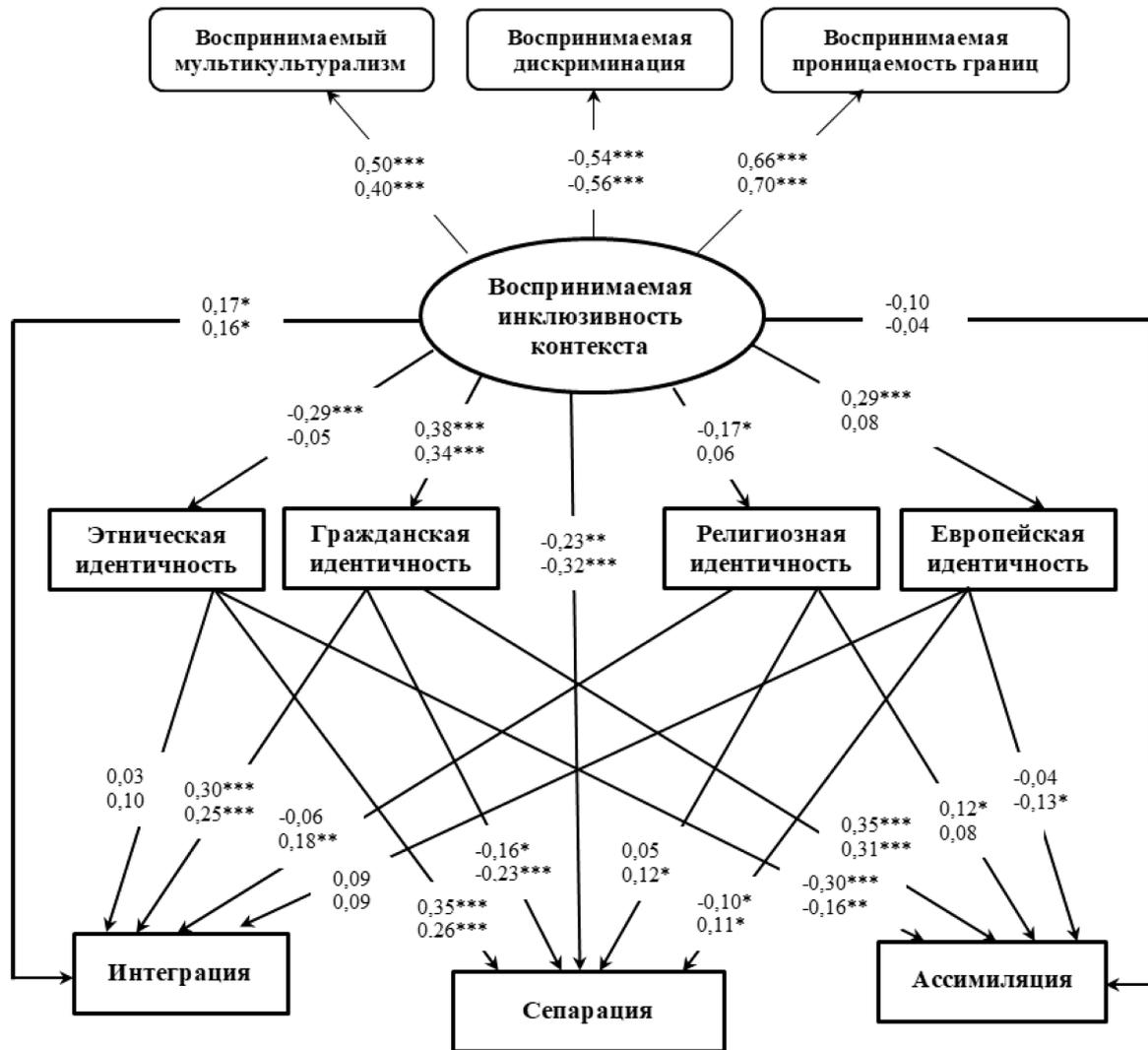

Рис. 1. Путьевая модель связи воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и стратегий аккультурации русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане: верхние коэффициенты относятся к русским, проживающим в Эстонии, нижние коэффициенты относятся к русским, проживающим в Кыргызстане; «*» — $p < ,001$; «**» — $p < ,01$; «***» — $p < ,05$

ляции, тогда как гражданская эстонская и религиозная идентичности значимо положительно связаны со стратегией ассимиляции. У русских в Кыргызстане этническая и европейская идентичности значимо отрицательно связаны со стратегией ассимиляции, тогда как гражданская кыргызстанская идентичность значимо положительно связана со стратегией ассимиляции.

Дискуссия

По оценкам русских, проживающих в Эстонии и Кыргызстане, стать включенным в доминирующее общество скорее трудно, чем легко. В целом, в Эстонии отмечается, что, например, рынок труда этнически сегментирован и этнические эстонцы имеют преимущество перед неэстонцами в целом ряде областей [20]. В Кыргызстане же русские входят в категорию так называемого «отсталого» населения — отсталого

не по определению, а по степени удаленности от власти и ресурсов [11].

Стоит отметить, что вопросы на проницаемость границ касались не личного опыта, а установок в отношении их проницаемости для абстрактного русского человека, символизирующего группу. Когда же речь заходила о персональном опыте, например, о личной дискриминации, то выраженность ее у русских в Эстонии и Кыргызстане отмечалась довольно слабая. Вероятно, здесь имеет место феномен несоответствия личной и групповой дискриминации, который проявляется в основном у групп, находящихся в неблагоприятном положении [22].

Воспринимаемый мультикультурализм (реальный), который русские непосредственно наблюдают в Эстонии и Кыргызстане, оценивается ими довольно высоко. При этом мультикультурную идеологию в Кыргызстане русские ощущают значимо больше, чем русские в Эстонии. Это различие может быть основано на том, что в Кыргызстане русский язык является официальным языком общения наравне с киргизским,

несмотря на то, что численность русских в данной стране не превышает и 6% от общей численности населения страны [10]. В Эстонии в данном отношении ситуация сложнее, поскольку дерусификация в публичной сфере прошла официально и стремительно [21], несмотря на то что русских в Эстонии около 25% [25].

Сравнительный анализ выраженности социальных идентичностей показал, что этническая и религиозная идентичности больше выражены у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии. В целом, актуализация этнодифференцирующих идентичностей у представителей этнических и религиозных меньшинств в инокультурном (культурно далеком) контексте отмечена и в других исследованиях. Так, например, православные русские, проживающие в российском регионе, где основное население представлено мусульманами, демонстрируют более выраженную религиозную идентичность, чем русские, проживающие в регионе, где основное население представлено православными христианами [4].

Гражданская идентичность больше выражена у русских, проживающих в Эстонии, чем у русских, проживающих в Кыргызстане. У данного различия существуют довольно глубокие корни, которые актуальны и сегодня. Так, например, Д. Фурман и Э. Задорожнюк (2004) отмечают, что в советское время сила притяжения балтийских, культур западного типа была для русских во много раз больше, чем азиатских.

Относительно стратегий аккультурации можно сказать, что стратегия сепарации больше выражена у русских в Кыргызстане, чем у русских в Эстонии. Тогда как стратегии интеграции и ассимиляции больше предпочитаемы русскими в Эстонии, чем русскими в Кыргызстане. В целом, это также проявляется и в советский период. Так, например, если в азиатских республиках отмечалась «русификация» местного населения [1], то в балтийских странах шел противоположный процесс «балтификации» русских [9]. О предпочтительности русскими интеграции в Эстонии, точнее «критической» интеграции, свидетельствуют и результаты кросскультурного исследования социально-политической интеграции русских в Эстонии, Норвегии и Финляндии [24].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в Эстонии для русских инклюзивными (общими с эстонцами) являются гражданская и европейская идентичности, а в Кыргызстане — только гражданская. Таким образом, идентификационная основа для инклюзивных стратегий аккультурации (интеграции и ассимиляции) выше у русских в Эстонии, что подтверждают более высокие показатели интеграции и ассимиляции у русских в Эстонии. У русских в Кыргызстане три идентичности (этническая, религиозная и европейская) являются эксклюзивными, и чтобы сохранить их, русским нужна сепарация, установки на которую они и демонстрируют.

Воспринимаемая инклюзивность контекста и социальные идентичности

Универсальной для русских в Эстонии и Кыргызстане оказалась позитивная связь между вос-

принимаемой инклюзивностью контекста и гражданской идентичностью. Кроме того, у русских в Эстонии воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с еще одной инклюзивной для данного контекста идентичностью — европейской. Получается, что те русские в Эстонии, которые воспринимают контекст как инклюзивный, имеют сильно выраженные гражданскую эстонскую и европейскую идентичности.

Довольно любопытной выступает отрицательная связь воспринимаемой русскими инклюзивности контекста Эстонии с их этнической и религиозной идентичностями. Получается, что русские в Эстонии, которые воспринимают социокультурный контекст Эстонии как эксклюзивный (закрытый) для себя, имеют выраженное этническое и религиозное самосознание. Вероятно, это связано с тем, что воспринимаемая закрытость контекста провоцирует у русских поиск психологической защиты в своей культурной идентичности. Более того, полученные результаты могут отчасти содержать в себе ответ на вопрос: почему в постсоветских странах, в особенности в балтийских, у русских отмечается «размытая» этническая идентичность? [18]. Согласно результатам настоящего исследования, это может быть связано с тем, что именно «размытые» этническая русская и религиозная идентичности связаны с воспринимаемой инклюзивностью контекста.

Воспринимаемая инклюзивность контекста и стратегии аккультурации

Воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана со стратегией интеграции и отрицательно — со стратегией сепарации. Данные связи носят универсальный характер, поскольку обнаружены у русских в обеих странах. Полученные результаты согласуются с результатами ранее проведенного исследования на внутренних мигрантах России, где воспринимаемая мигрантами инклюзивность социального контекста оказалась также позитивно связана с предпочтением интеграции и негативно связана с предпочтением сепарации [6].

Идентичности и стратегии аккультурации

Гражданская идентичность позитивно связана со стратегиями интеграции и ассимиляции, при этом отрицательно связана со стратегией сепарации у русских в обеих странах. В целом похожие связи получены в ранее проведенном исследовании у русского этнического меньшинства Северного Кавказа: гражданская идентичность оказалась позитивным предиктором стратегии интеграции [3]. Универсальный характер для русских в Эстонии и Кыргызстане также носит отрицательная связь между этнической идентичностью и стратегией ассимиляции, а также позитивная связь между этнической идентичностью и стратегией сепарации. Данные связи находили свое подтверждение и ранее на выборке русского этнического меньшинства [8].

Обращает на себя внимание то, что у русских в Кыргызстане помимо гражданской идентичности

позитивным предиктором стратегии интеграции выступает религиозная идентичность. Согласно теории аккультурации Д. Берри, для стратегии интеграции характерно сохранение своего культурного наследия и взаимодействие с доминирующим обществом [15]. Очевидно, что сохранение своего культурного наследия у русских в Кыргызстане реализуется посредством сохранения своей религиозной идентичности, тогда как взаимодействие с доминирующим обществом подпитывается выраженной гражданской кыргызстанской идентичностью.

Стратегия сепарации предпочитается теми русскими в Кыргызстане, которые имеют выраженные этническую, религиозную и европейскую идентичности и слабо выраженную гражданскую идентичность. Вместе с тем стратегия ассимиляции предпочитается теми, кто имеет слабо выраженные этническую и европейскую идентичности. Иными словами, этническая, религиозная и европейская идентичности русских в Кыргызстане выступают эксклюзивными этнодифференцирующими идентичностями, ведущими к сепарации. При этом религиозную идентичность русских в Кыргызстане можно лишь условно отнести к эксклюзивной (с точки зрения разобщения) идентичности, поскольку она является предиктором не только стратегии сепарации, но и стратегии интеграции.

В Эстонии европейская идентичность выступает негативным предиктором стратегии сепарации, тогда как у русских в Кыргызстане европейская идентичность русских оказалась позитивным предиктором стратегии сепарации и негативным предиктором стратегии ассимиляции, что доказывает ее эксклюзивную функцию в кыргызском контексте и инклю-

зивную функцию в эстонском контексте. В то же время религиозная идентичность русских в Эстонии оказалась значимым предиктором стратегии ассимиляции, но при этом ранее отмечалось, что религиозная идентичность отрицательно связана с воспринимавшей русскими инклюзивностью контекста Эстонии. Данная цепочка связей весьма любопытна и нуждается в проверке в будущих исследованиях.

Выводы

Настоящее исследование позволило выявить и проанализировать универсальные и контекстно специфические паттерны связей воспринимаемой инклюзивности контекста, идентичностей и аккультурационных стратегий русских, проживающих в Кыргызстане и Эстонии. Универсальными для обеих стран оказалась позитивная связь воспринимаемой инклюзивности контекста с гражданской идентичностью и стратегией интеграции, а также отрицательная связь со стратегией сепарации. Одной из контекстно специфических связей оказалась отрицательная связь воспринимаемой инклюзивности контекста с этнической и религиозной идентичностями у русских в Эстонии. Данная связь заставляет задуматься о том, может ли контекст восприниматься инклюзивным, если при этом культурные идентичности должны быть нивелированы. Как мы видим, настоящее исследование, обладая несомненной новизной, ставит важные проблемы понимания инклюзивности контекста и его измерения, способствуя дальнейшему развитию контекстно ориентированных исследований в кросскультурном преломлении.

Литература

1. Кайзер М. Русские как меньшинство в Центральной Азии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 3. № 1. С. 55–73.
2. Козлов Н.Д., Левашко В.О. Ввод советских войск в Прибалтику в оценках современников и свидетельствах очевидцев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2012. Том 1. № 4. С. 38–47.
3. Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х. Стратегии межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе. Роль идентификации и дезидентификации в межэтнических отношениях // Russia in Global Affairs. 2017. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. С. 277–290.
4. Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х., Галыпина В.Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 47–61.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
6. Лепшокова З.Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 124–138.

References

1. Kaizer M. Russkie kak men'shinstvo v Tsentral'noi Azii [Russians as a minority in Central Asia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 1998. Vol. 3, no. 1, pp. 55–73. (In Russ.).
2. Kozlov N.D., Levashko V.O. Vvod sovetskikh voisk v Pribaltiku v otsenkakh sovremennikov i svidetel'stvakh ochevidtsev [The entry of Soviet troops into the Baltic States in the assessments of contemporaries and eyewitness accounts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2012. Vol. 1, no. 4, pp. 38–47. (In Russ.).
3. Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya na Severnom Kavkaze. Rol' identifikatsii i dezidentifikatsii v mezhetnicheskikh otnosheniyakh [Strategies of intercultural interaction in the North Caucasus. The role of identification and disidentification in interethnic relations]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs], 2017. Spetsvypusk: Atlas obshchestvennoi diplomatii, pp. 277–290. (In Russ.).
4. Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Galyapina V.N. Kul'turno-psikhologicheskie faktory mezhpokolennoi transmissii tsennostei u russkikh na Severnom Kavkaze [Kul'turno-psikhologicheskie faktory mezhpokolennoi transmissii tsennostei u russkikh na Severnom Kavkaze]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2016. no. 5. pp. 47–61. (In Russ.).

7. Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. Том 42. № 2. С. 61–75.
8. Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон. 2012. 192 с.
9. Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. Социология. Этнология. 2004. Том 13. № 3. С. 98–130.
10. Численность постоянного населения Кыргызстана. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/operational/729/> (дата обращения: 30.03.2021).
11. Шульга Е.П. Потенциальная миграция русскоязычного населения из Средней Азии в Россию (на примере Киргизии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. Том 24. № 3. С. 97–103.
12. Ялчин О. Кыргызстан в мировом сообществе // Молодой ученый. 2016. Том 118. № 14. С. 464–466.
13. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes // International Journal of Psychology. 2015. Vol. 50. № 6. P. 422–430.
14. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services, 1977.
15. Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS C., Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project // Applied Psychology: An International Review. 2021. DOI: 10.1111/apps.12332
16. Berry J.W. Mutual intercultural relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
17. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // American Psychologist. 1977. Vol. 32(7). P. 513–531.
18. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics // Journal of Eurasian Studies. 2011 Vol. 2. № 2. P. 153–163.
19. Kunst J.R., Sam D.L. Relationship between perceived acculturation expectations and Muslim minority youth's acculturation and adaptation // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. P. 477–490.
20. Pavelson M. Sotsiaal-majanduslik integratsioon: tööhõive ja sissetulekud [Socio-economic integration: employment and incomes] // Integratsioon Eesti ühiskonnas. Monitor 2000 [Integration in Estonian Society. Monitor 2000] / M. Lauristin, R. Vetik (eds.). Tallinn: TPÜ Rahvusvahelise ja Sotsiaaluuringute Instituut, 2000. P. 22–27.
21. Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory // The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. № 3–4. P. 275–314.
22. Quinn K.A., Roese N.J., Pennington G.L., Olson J.M. The Personal/Group Discrimination Discrepancy: The Role of Informational Complexity // Personality and Social Psychology Bulletin. 1999. Vol. 25. № 11. P. 1430–1440.
23. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. Vol. 47. № 3. P. 401–420.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow: Publ. RUDN, 2009. 423 p. (In Russ.).
6. Lepshokova Z.Kh. Vosprinimayemaya inkluzivnost' sotsial'nogo konteksta, akkul'turatsiya i adaptatsiya migrantov iz Severnogo Kavkaza v Moskve. [Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2020. no. 3, pp. 124–138. (In Russ.)
7. Lepshokova Z.Kh. Inkluzivnye i ekskluzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennostei i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2021. Vol. 42, no. 2, pp. 61–75. (In Russ.).
8. Lepshokova Z.Kh. Strategii adaptatsii migrantov i ikh psikhologicheskoe blagopoluchie (na primere Moskvy i Severnogo Kavkaza) [Adaptation strategies of migrants and their psychological well-being (the cases of Moscow and the North Caucasus)]. Moscow: Publ. Grifon. 2012. 192 p. (In Russ.).
9. Furman D., Zadorozhnyuk E. Prityazhenie Baltii. Baltiiskie russkie i baltiiskie kul'tury [Baltic attraction. Baltic Russian and Baltic cultures]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2004. Vol. 3, pp. 98–130. (In Russ.).
10. Chislennost' postoyannogo naseleniya Kyrgyzstana. [Elektronnyi resurs] [The resident population of Kyrgyzstan]. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/operational/729/> (Accessed 30.03.2021).
11. Shul'ga E. P. Potentsial'naya migratsiya russkoyazychnogo naseleniya iz Srednei Azii v Rossiyu (na primere Kirgizii) [Potential migration of the Russian-speaking population from Central Asia to Russia (on the example of Kyrgyzstan)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2013. Vol. 24, no. 3, pp. 97–103. (In Russ.).
12. Yalchin O. Kyrgyzstan v mirovom soobshchestve [Kyrgyzstan in the world community]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2016. Vol. 118, no. 14, pp. 464–466. (In Russ.).
13. Antonio J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes. *International Journal of Psychology*, 2015. Vol. 50, no. 6, pp. 422–430.
14. Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Publ. Ministry of Supply and Services, 1977.
15. Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS C., Grigoryev D. How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 2021. DOI:10.1111/apps.12332
16. Berry J.W. Mutual intercultural relations. Cambridge: Publ. Cambridge University Press, 2017.
17. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development. *American Psychologist*, 1977. Vol. 32, no. 7, pp. 513–531.
18. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics. *Journal of Eurasian Studies*, 2011. Vol. 2, no. 2, pp. 153–163.

24. Renvik T.A., Manner J., Vetik R., Sam D.L., Jasinskaja-Lahti I. Citizenship and Socio-Political Integration: A Person-Oriented Analysis Among Russian-Speaking Minorities in Estonia, Finland and Norway // *Journal of Social and Political Psychology*. 2020. Vol. 1. № 8. P. 53–77.
25. Statistics Estonia. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U/table/tableViewLayout (дата обращения: 01.05.2021).
26. Ward C., Kim I., Karl J.A., Epstein S., Park H.-J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26. № 4. P. 581–591.
27. Zagefka H., Brown R. The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany // *European Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 32. № 2. P. 171–188.
19. Kunst J.R., Sam D.L. Relationship between perceived acculturation expectations and Muslim minority youth's acculturation and adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37, pp. 477–490.
20. Pavelson M. Sotsiaal-majanduslik integratsioon: tööhõive ja sissetulekud [Socio-economic integration: employment and incomes]. In Lauristin M., Vetik R. (eds.) *Integratsioon Eesti ühiskonnas. Monitooring 2000 [Integration in Estonian Society. Monitor 2000]*. Tallinn: Publ. TPU Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut, 2000, pp. 22–27.
21. Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. *The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2008. Vol. 11, no. 3–4, pp. 275–314.
22. Quinn K.A., Roesse N.J., Pennington G.L., Olson J.M. The Personal/Group Discrimination Discrepancy: The Role of Informational Complexity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999. Vol. 25, no. 11, pp. 1430–1440.
23. Ramos M.R., Cassidy C., Reicher S., Haslam S.A. A longitudinal study of the effects of discrimination on the acculturation strategies of international students. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47, no. 3, pp. 401–420.
24. Renvik T. A., Manner J., Vetik R., Sam D. L., Jasinskaja-Lahti I. Citizenship and Socio-Political Integration: A Person-Oriented Analysis Among Russian-Speaking Minorities in Estonia, Finland and Norway. *Journal of Social and Political Psychology*, 2020. Vol. 1, no. 8. pp. 53–77.
25. Statistics Estonia. 2020. [Elektronnyi resurs]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik__rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U/table/tableViewLayout (Accessed 01.05.2021).
26. Ward C., Kim I., Karl J. A., Epstein S., Park H.-J. How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2020. Vol. 26, no. 4, pp. 581–591.
27. Zagefka H., Brown R. The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 2002. Vol. 32, no. 2, pp. 171–188.

Информация об авторах

Лепшкова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Information about the authors

Zarina K. Lepshokova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021